



Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Коррунция с человеческим лицом



РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Алексей Викторович Макеев
Николай Иванович Леонов
Коррупция с
человеческим лицом
Серия «Полковник Гуров»
Серия «Русский бестселлер»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31677063
Коррупция с человеческим лицом: Э; Москва; 2018
ISBN 978-5-04-092029-7

Аннотация

Внезапно скончался находившийся под домашним арестом сотрудник Главного управления собственной безопасности МВД Андрей Тимашов. Его обвиняли в получении крупной взятки. Однако люди, хорошо знавшие покойного, уверены, что невиновного Тимашова просто убрали, чтобы скрыть настоящие преступления. Полковника Гурова просят провести дополнительное расследование по факту этой смерти. Сыщик берется за дело и оказывается втянутым в сложную сеть криминальных отношений внутри силовых структур. Гуров упорно распутывает этот клубок и уже готов разоблачить преступников, как вдруг случается непредвиденное – ему

самому предъявляют обвинение в превышении должностных полномочий...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	39
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Николай Леонов

Коррупция с

человеческим лицом

© Макеев А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Глава 1

– За беспощадную борьбу с коррупцией!

В частном особняке отдыхала небольшая, но очень «теплая» компания. Несколько мужчин отмечали профессиональный успех своего друга и коллеги, а также его предстоящее повышение.

Сам виновник торжества, держа в руках бокал шампанского, встал с места, чтобы произнести тост.

Торжественно провозгласив последнюю фразу о коррупции, он осушил бокал и перевернул его вверх дном, показывая, что за беспощадную борьбу выпито до дна.

– Смотри, Боря, на новом месте не забывай старых друзей, – с улыбкой произнес один из присутствующих.

– Куда я без вас.

– Вот именно. Борьба-то сейчас в самом разгаре. Кипит. Так что смотри, не ровен час, пригодимся. Ведь в этом деле как? Кто имеет информацию, тот имеет и...

– Навар, – хохотнул кто-то из захмелевших гостей.

– Можно и так сказать. А куда же еще обратиться за информацией, как не к старым друзьям? Ты вот по этому «фигуранту» своему как сведения раздобыл? Уж наверное, не из официальных источников. Тому-другому шепнул, тому-другому мигнул, вот оно и получилось, дельце. Да еще какое удачное. Это тебе теперь не только очередное звание, а еще

и повышение в занимаемой должности светит. А все почему? А все потому, что в нужное время нужные сведения получил. Колись, откуда пришел компромат? Наверняка кто-то из «смежников» на ушко шепнул. У тебя ведь везде знакомые, – заметил другой гость.

– Да нет, по «фигуранту» все как раз совсем по-другому было, – улыбнулся Боря, вновь садясь на стул. – Хотя насчет знакомых ты угадал, информацию дали именно знакомые. Только знакомые эти совсем с другой стороны. К нашей конторе вообще отношения не имеют. К другу на дачу поехал, в Пушкино. А там у него рядом участок пустой. Да такой неплохой, живописный. Березки, сосенки. Даже пруд имеется. Естественный водоем. Я и говорю ему – что, мол, неужели на такую красоту охотников не нашлось? Где хозяйева? А тот и отвечает: меняются постоянно хозяева. Купят, да и бросят. Посмотрят – вроде нравится, а потом, когда до дела доходит – стройку там начинать, бригады нанимать, им все некогда. Чепраков хоть изредка появлялся, а этот новый только при покупке приехал, посмотреть. С тех пор больше его и не видели.

– Чепраков?!

– Он самый. Я когда эту фамилию услышал, вот так жеотреагировал, как ты сейчас. Это, думаю, что же такое получается? Получается, начинают в отношении товарища проверку, а потом товарищ продает очень неплохие земельные угодья в очень неплохом обжитом местечке, и проверка эта

в результате ничего не показывает. Конечно, мне захотелось все это уточнить.

– Уточнил удачно.

– Надеюсь. Поднял я эту сделку, посмотрел, кто там продавец, кто покупатель, сопоставил да и выступил с инициативой. Взятчикам не место в наших рядах.

– У тебя, Боря, прямо нюх на такие дела, – вступил в разговор еще один из сидящих за столом. – Как будто специально судьба тебе шансы подкидывает. Другие годами над бумажками корпят, чтобы и одно-то дело раскрыть, а ты – вон как. Одно за другим их щелкаешь. Везунчик. Или, может быть, тебя самого кто-нибудь «опекает» за приличное вознаграждение? Признавайся, с премий «откаты» выплачиваешь?

– Везет тому, кто везет. А опекать меня не нужно, я сам справляюсь. Сам своего счастья кузнец, – окинув многозначительным взглядом гостей, произнес Борис. – Работать нужно. А под лежащий камень, сам знаешь, вода не течет.

– Да уж знаю. Работаешь ты шустро, тут не возразишь. Не боишься? Капнет кто-нибудь из этих «камней лежащих» куда не надо, потом неприятностей не оберешься.

– О чем капнет? О том, как он взятки брал? Или как давал? Так пожалуйста! Пускай капает. Пускай хоть струей наливает. Мне же лучше. Только показатели вырастут.

– Ну да, тебе лучше, – усмехнулся гость. – Ты же у нас взятку не берешь. Честный.

– Да, я честный. Мне зарплаты хватает, – двусмысленно улыбнувшись, ответил Борис.

– Еще бы не хватало! Мало того что она у тебя с каждой новой должностью все выше становится, так ты еще премии чуть ли не каждый месяц отхватываешь. До чего выгодно нынче стало с коррупцией бороться, а, мужики? Аж завидно.

– Ну уж ты скажешь – каждый месяц, – самодовольно проговорил Борис. – Так, время от времени...

– Ладно, не скромничай. Знаем, как начальство тебя поощряет. А в этот раз и вообще из ряда вон. Давно ли в УБЭП пришел, оглянуться не успели, а его уже в Главное управление переводят. Да не какое-нибудь, а экономической безопасности.

– Значит, есть за что, – поговорил другой гость, во все время разговора усердно занимавшийся закусками. – Ты не слушай их, Боря, делай свое. Они это все от зависти злопыхают. Сами ничего путного сделать не могут, так хотят и другому игру испортить. Делай свое. Начальство тебя отмечает – радуйся. Получишь полковничьи погоны, не забудь пригласить.

– Это уж обязательно, – заверил Борис. – Святое дело.

– Вот так. А если этот твой перевод с повышением выгорит, не забывай, с кем ты начинал. Мы же со своей стороны всячески тебе этого желаем и всегда готовы обмыть. Наливай, мужики. За повышение!

Хрустально зазвенели бокалы, и под бравурные возгласы:

«За повышение!» – гости и хозяин осушили очередную бутылку шампанского.

Рабочий день давно закончился, и полковник Гуров, засидевшийся за делами, уже собирался уходить, когда зазвонил телефон.

– Ты не сможешь сегодня заехать за мной на работу? – чем-то очень взволнованная, сказала жена. – Наш художник хочет поговорить с тобой. С его знакомыми произошло настоящее несчастье. Они не знают, куда обращаться за помощью. Я подумала, может, ты сможешь посоветовать что-то. Так заедешь?

– Всего лишь для консультации? А я было надеялся, что твой художник хочет мне главную роль предложить в новом спектакле, – улыбнулся полковник.

– Ты все шутишь, а у людей горе. Им сейчас совсем не до шуток, уверяю тебя. Даже я расстроилась, когда узнала. А уж про Валерия Алексеевича и говорить нечего. Это ведь его близкие друзья.

– Валерий Алексеевич – это художник?

– Да. Так заедешь?

– Хорошо, жди. Я как раз собирался уходить. Буду у вас минут через тридцать-сорок.

Гуров запер кабинет и быстро спустился вниз.

Очередной невыносимо знойный июльский день сменился вечерней прохладой, и, направляясь к машине, полковник

с удовольствием вдыхал свежий воздух.

Подъехав к театру, где работала Мария, он прошел в знакомую гримерку. Там шло оживленное и эмоциональное обсуждение последних новостей.

– Но, может быть, все произошло естественно, – говорила миниатюрная Нина, актриса-травести, даже в свои пятьдесят четыре года с успехом изображавшая на сцене маленьких мальчиков. – Ты ведь сама сказала, что он очень переживал из-за всего этого, волновался. Вот сердце и не выдержало.

– Не скажи, Нина, – возражала ей Клара, темноокая красавица, которая специализировалась на ампулах роковых женщин. – Сейчас ведь все доступно, любые препараты. Денег заплати, тебе и без рецепта что угодно продадут. А искусственно вызвать сердечный приступ не так уж сложно. Слышала, наверное, сколько смертельных случаев бывает от обычного наркоза. Хочет человек невинную подтяжку лица сделать, а в итоге в реанимации оказывается на грани жизни и смерти. А если еще у него с почками проблемы или сахарный диабет... Ты не знаешь, Маша, этот ее муж, он не страдал хроническими заболеваниями?

– Не знаю, девочки. Это ведь Валерия Алексеевича знакомые, так что... А вот и Лева! Здравствуй, дорогой, мы тебя уже ждали. Ладно, девочки, мы, наверное, пойдем, а то и так уже поздно, а еще нужно объяснить Леве, в чем там дело. На ночь-то хотелось бы все-таки попасть домой.

Мария взяла мужа под руку и повела по лабиринтам теат-

ральных коридоров.

– Там такая история, просто ужас, – с волнением рассказывала она по пути. – Это Ирины Тимашовой муж. Они с Валерием Алексеевичем давно знакомы. Можно сказать, семьями дружат. И на спектаклях частенько бывают у нас. Мои поклонники, между прочим, – гордо подняв голову, добавила Мария. – Я, правда, не близко с ними знакома, особенно с Андреем. Но с Ириной мы общались, очень приятная женщина. Хотя дело не в этом. Дело в том, что Андрей... А, вот мы уже и пришли. Сейчас тебе Валерий Алексеевич сам все расскажет.

Открыв массивную дубовую дверь, Мария вошла в приемную, пустующую в этот поздний час. Вежливо постучав, она приоткрыла дверь в кабинет, такую же солидную и внушающую уважение.

– Валерий Алексеевич, можно? Муж приехал, вы можете обсудить с ним ваши вопросы.

– О! Приехал?! Великолепно! Да что же вы стоите в дверях? Проходите, проходите, прошу вас!

Валерий Алексеевич оказался весьма колоритным мужчиной, при взгляде на которого сразу возникали ассоциации с богемой и богемной жизнью.

Высокого роста, крупный, с крупными чертами лица и пышной гривой темных волос, где уже заметны были седые пряди, он как нельзя более подходил под определение «светский лев». Эмоциональность и живая реакция на все про-

исходящее гармонично завершали этот образ, не оставляя у собеседника ни малейших сомнений, что вот именно таким и должен быть художественный руководитель творческого коллектива.

– Проходите, присаживайтесь, – дружелюбно проговорил он, отодвигая стулья от большого стола, который сразу напомнил Гурову стол для совещаний в кабинете генерала Орлова.

– Да мне-то зачем? – скромно отступила Мария. – Мне, наверное, лучше уйти. Зачем я буду мешать? По делу я все равно ничего добавить не смогу, а снова слушать этот рассказ – только лишний раз расстраиваться.

– Что ж, вольному воля, – не стал возражать худрук. – История действительно не из веселых.

– Лева, когда закончите, зайдешь за мной, я буду в примерке.

– Хорошо, как скажешь.

Мария покинула кабинет, а Валерий Алексеевич устроился напротив Гурова за столом и, слегка смущаясь, начал свой рассказ.

– Немного неудобно беспокоить вас, вы, конечно, и без того очень занятой человек, Маша говорит, иногда с работы позже ее приходите. Но история и в самом деле очень странная. Странная и... загадочная.

– Если я правильно понял, речь о ком-то из ваших знакомых? – уточнил Гуров.

– Да. Это супруг моей бывшей одноклассницы, Ирины. У нас был очень дружный класс, со многими я и по сей день иногда перезваниваюсь. А у Ирины я был на свадьбе, тогда и познакомился с Андреем. Он сразу произвел на меня хорошее впечатление. Отличный парень! Потом я их пригласил уже на свою свадьбу, и с тех пор мы стали дружить, как говорится, семьями. Андрей работал в органах внутренних дел и в целом сделал неплохую карьеру. Последние годы он трудился в Управлении собственной безопасности, а вам, я думаю, как никому другому, известно, что абы кого с улицы туда не возьмут.

– Тут вы правы, – подтвердил Лев. – Отбор в эту структуру довольно жесткий.

– Именно! – взволнованно воскликнул худрук. – Именно об этом я и говорю. Человек с безупречной репутацией, мало того, всеми «компетентными» специалистами проверенный-перепроверенный, и вдруг – взяточник. Вы можете в это поверить?

– Андрея обвиняют в получении взятки?

– Да! Немыслимо! Мы все были в шоке, когда узнали. А уж бедная Ирина... о ней даже и говорить нечего. Ночей не спала. По этому так называемому «факту» была начата проверка, Андрея посадили под домашний арест. Но, к сожалению, это еще только полбеды. Сегодня вечером, буквально несколько часов назад, его нашли мертвым в квартире, и причины этой внезапной смерти совершенно непонят-

ны. Врачи констатировали остановку сердца, но ведь просто так, ни с того ни с сего, сердце не может остановиться. Всем нам – тем, кто близко знал эту семью, – все это кажется очень странным.

– Андрей не страдал сердечно-сосудистыми заболеваниями?

– Нет! Что вы! Это был очень здоровый человек. Я ведь сказал вам – он всю жизнь проработал в органах, а там, как говорится, просто по определению необходимо поддерживать форму. Андрей был очень активным и спортивным человеком, в отличие, увы, от меня, – грустно улыбнувшись, вздохнул Валерий Алексеевич. – На здоровье он никогда не жаловался, и с сердцем у него все было в порядке. Естественно, все эти недоразумения и несправедливости не могли пройти даром и наверняка заставили поволноваться. Но чтобы до такой степени... не знаю. Очень, очень странно. Об этом я, собственно, и хотел поговорить с вами. Ирина сейчас в ужасном состоянии, убита горем. Ей, конечно, будет трудно предпринимать какие-то действия, что-то выяснять, бороться за справедливость. Но мы, ее друзья, не можем просто так оставить все это. Я считаю, что мы должны, мы просто обязаны помочь. По крайней мере, сделать то, что в наших силах. Поэтому я попросил Машу пригласить вас на разговор. Вы – опытный специалист, профессионал своего дела. К тому же, как говорится, варитесь в этом котле. Вы всегда в курсе последних криминальных новостей и можете получать

информацию, которую рядовые граждане, как я, например, получать не могут. Вам проще будет разобраться. Вот я и хотел попросить, если будет такая возможность, не могли бы вы помочь нам прояснить обстоятельства этого дела? Ведь погиб человек. И смерть эту уже готовы списать на естественные обстоятельства, хотя даже поверхностный взгляд показывает, что это не так. У Андрея не было проблем с сердцем. Никогда в жизни.

– То есть, если я правильно вас понял, вы бы хотели, чтобы я провел дополнительно расследование по факту этой смерти?

– Если будет такая возможность. Относительно вознаграждения можете даже не сомневаться, мы всегда...

– Речь не о вознаграждении, – перебил Гуров. – Дело в том, что расследование по этому факту и без того будет назначено, такие правила. Честно говоря, я не вижу особого смысла в том, чтобы дублировать действия коллег.

– О! Это да, но... Видите ли, – немного подумав, произнес Валерий Сергеевич. – Мне бы ни в коем случае не хотелось как-то обижать ваших коллег и, даже не будучи знакомым с ними, выражать какое-то недоверие, но, к сожалению, мы уже имели печальный опыт. В отношении Андрея по факту несуществующей взятки тоже было назначено расследование, и там тоже трудились люди, вполне возможно, даже очень добросовестно трудились. Но проблема в том, что Андрей не брал взятку. Вот и здесь то же самое. Да, наверное,

расследование будет назначено, если вы говорите. Но, видите ли, ведь нам о ходе всех этих расследований никто не докладывает. Мы и по сей день вынуждены теряться в догадках, на каких основаниях сделаны выводы о том, что Андрей виновен, и почему он был помещен под арест. Это очень нервирует, согласитесь. Лишает покоя. А здесь – речь о смерти. Если нам еще раз повторят, что причина ее – остановка сердца, вы, я думаю, и сами понимаете, что никто не будет этим удовлетворен. Хорошо, пускай смерть произошла по причине остановки сердца, но сердце-то почему остановилось? Здесь какая причина? Андрей был совершенно здоров. Вот поэтому я и решил обратиться к вам. Вы – ближе к «солнцу», и можете получать информацию. Помогите нам! Мы хотим знать правду. Пускай жестокую или нелицеприятную, но – правду. Войдите в положение несчастной женщины, потерявшей самого близкого человека. Поймите, теряться в догадках, постоянно выдумывая новые и новые возможные причины и не зная причину действительную, – это просто адское мучение. Избавьте от него бедную женщину, и без того надломленную горем.

Гуров понимал, что согласиться исполнить просьбу Валерия Алексеевича означает собственными руками самому себе добавить головной боли. Никто, в том числе и сам он первый, не любит, когда вмешиваются в его дела. Тем более когда суются в еще не законченное расследование. А если он возьмется за это дело, именно этим и придется ему зани-

маться. Выспрашивать и «вынюхивать», «совать нос» в работу коллег.

Но ответить отказом на прочувствованную и трогательную речь художественного руководителя театра было невозможно.

– Хорошо, я постараюсь сделать, что смогу, – ответил он. – Но пока у меня практически нет информации. То, что вы сообщили, дает только самое общее представление о деле. Я могу поговорить с этой вашей знакомой? Ирина, если не ошибаюсь?

– О! – вновь эмоционально воскликнул Валерий Алексеевич. – Я знал! Я знал, что вы не откажете. Вот оно – настоящее благородство. Благородство и великодушие. Готовность помочь слабому, тому, кто попал в беду. Поговорить с Ириной? Да, я думаю, это возможно. Вернее, даже необходимо. Кто лучше ее сможет рассказать о всех обстоятельствах? Но если вы не возражаете, я сначала созвонюсь с ней и договорюсь о времени встречи. Объясню обстоятельства, скажу, что вы действуете в ее интересах. Ирина сейчас в плачевном состоянии, думаю, вы и сами понимаете это. Просто так зайти к ней пообщаться, наверное, будет неправильно.

– Да, разумеется. Я оставлю вам телефон. Когда договоритесь с ней, сообщите мне.

– О! Благодарю! Благодарю за понимание! Кстати, если это чем-то поможет, я могу дать вам телефон адвоката. Защитника, который работал с Андреем. Кажется, это тоже

неплохой человек. Грамотный юрист, с большим опытом. Андрей очень хорошо о нем отзывался. После ареста, кроме жены, посещать его разрешили только адвокату, поэтому Андрей и дал мне его номер телефона, на случай чего-то срочного и непредвиденного.

– Да, это может пригодиться. Давайте, я запишу.

– Сейчас, одну минуту. – Худрук быстро перелистал страницы объемистого блокнота, лежавшего на столе, и проговорил: – Вот, пожалуйста. Заруцкий Павел Егорович. Записывайте.

Зафиксировав номер адвоката и продиктовав свой, Гуров стал прощаться.

– Приятно, очень приятно было познакомиться с вами, – двумя руками пожимая его руку, произнес Валерий Алексеевич. – Маше просто повезло, что у нее такой муж. Сразу видно – действительно надежная опора. Каменная стена, за которой ничего не страшно. – Продолжая рассыпаться в комплиментах и благодарностях, он проводил Гурова до двери. – Итак – до связи. Как только поговорю с Ириной, я сразу же вам позвоню.

– Хорошо. До свидания.

Вернувшись в гримерку, полковник застал супругу уже одну.

– Что-то вы засиделись, – поднимаясь ему навстречу, заметила Мария. – Девочки уже давно ушли. Сижу, скучаю.

– Говорливый очень этот твой худрук оказался. По поводу самой сути дела ему, похоже, и неизвестно почти ничего, а уж рассказывал... сколько, интересно? – Гуров взглянул на часы: – Ого! Два часа почти.

– Вот-вот, я и говорю – засиделись. Но ты, по крайней мере, понял, что дело там действительно из ряда вон выходящее? Ведь это, по сути, убийство.

– Думаю, ты торопишься с выводами. Все это необходимо еще уточнить.

– Да что тут уточнять? И без уточнений все яснее ясного, – не хуже своего худрука разволновалась Мария. – Ясно, что ему подсунули что-то. Какой-то препарат. Сейчас ведь все доступно, любые лекарства, только денег заплати. Так что дело там нечисто, наверняка все это подстроено. Вот помани мое слово – не пройдет и двух дней, как выяснится, что это настоящее убийство, а вовсе не какой-то там обычный сердечный приступ.

– Может быть, может быть, – слегка усмехаясь этой «прозорливости» и не желая спорить, произнес Лев. – Только ты упускаешь из виду один пустячок. Убить человека – серьезное преступление, и, чтобы совершить его, нужен серьезный мотив. Здесь я его пока не вижу. Скорее даже наоборот. Если этот Андрей совершил в своей жизни какие-то проступки, он уже был за них серьезно наказан. Он сидел под арестом, в отношении его велось очень неприятное расследование, по сути, сводящее на нет профессиональные достижения всей

жизни. В каком-то смысле это и есть убийство. Пускай не физическое. Но нравственные поражения иногда не менее тяжки. И лично мне очень трудно представить, кому и чем мог он досадить, находясь в такой крайне незавидной ситуации. И не просто досадить, а испортить настроение настолько, что его захотели убить. Лишенный всего, чем он мог помешать? Переживания твоих друзей понятны, но как следовательно, с профессиональной точки зрения, я не вижу здесь оснований подозревать, что дело «нечисто».

– А вот увидишь, – настаивала на своем Мария. – Помяни мое слово.

– Ладно, ладно. Помяну, – улыбнулся Лев, открывая перед женой дверцу машины. – Садись, поедem. А то за всеми этими разговорами мы, похоже, домой и к утру не доберемcя.

Усадив жену, он устроился на водительском месте, с удовольствием думая о том, что этот длинный день наконец-то заканчивается, и даже не подозревая, что «помянуть» слова жены ему предстоит уже на следующее утро.

Помня о данном обещании, Гуров собирался, не откладывая в долгий ящик, сразу после планерки навести справки о том, кто занимается делом Андрея Тимашова. Но новость, которую «под занавес» сообщил генерал Орлов, заставила скорректировать планы.

– ...и в заключение попрошу полковника Гурова присоединиться к группе следователя Кирилина, – деловито проговорил генерал. – Знаю, что вы, Лев Иванович, и без то-

го загружены работой, но у нас все загружены. В деле возникли новые обстоятельства, которыми я и попросил бы вас заняться, специально для того, чтобы основной состав мог продолжить работу по главным фактам, не отвлекаясь на сопутствующие. Пойдете, так сказать, в виде «усиления». Со всеми подробностями вас ознакомит Иван Демидович, после совещания можете обратиться к нему, он введет вас в курс дела.

– Слушаюсь, – слегка ошарашенный этой неожиданностью, проговорил Гуров.

Он не имел ни малейшего представления, какое именно дело вел Кирилин, не говоря уже о каких-то «новых обстоятельствах», по которым предстояло работать лично ему. То, что Орлов не только не предупредил заранее об этом новом поручении, но даже ни полусловом не намекнул, удивило полковника.

В подобных случаях генерал обычно проводил некую предварительную беседу с глазу на глаз, сообщал, какое задание намеревается поручить, и, хотя бы для вида, интересовался загруженностью полковника и тем, насколько готов он это новое задание принять.

В этот же раз Орлов просто поставил его перед фактом.

«Что за притча? – думал Лев, невнимательно слушая финальные распоряжения начальства относительно коллег. – Может, я в чем-нибудь провинился, сам того не подозревая?

Или обидел? Почему со мной даже поговорить не захотели? А если я не в силах буду помочь «группе следователя Кирилина»? Почему он так уверен? И что вообще происходит? Ничего не понимаю».

Вскоре все его недоумения разрешились.

– Лев Иванович, задержись на минуту, – коротко бросил Орлов, когда подчиненные встали из-за стола и начали выходить из кабинета.

Гуров остановился, вопросительно глядя на генерала. Когда в кабинете никого не осталось, кроме их двоих, тот заговорил:

– По поводу этого дела, которое Кирилин ведет. Там все подробности выяснились неожиданно, буквально вчера вечером только. Мне самому лишь сегодня утром доложили. Так что заранее тебя предупредить не смог, пришлось ориентироваться уже в рабочем порядке. Дело неприятное, из разряда, так сказать, «внутренних». Злоупотребления в собственных рядах. Все довольно запутано и неоднозначно. Кирилин со всей бригадой бьется, но результаты пока, скажем так, промежуточные. А у тебя задача другая. Там один из «фигурантов» неожиданно умер. Сердечный приступ. Сначала подумали было, что здоровье подвело. Но на вскрытии обнаружили в крови лошадиную дозу порпранолола. Это – лекарство для сердечников. В терапевтических дозах лечит, а передозировка может спровоцировать сердечную недостаточность и даже вызвать остановку сердца. По-видимому, в

этот раз так и произошло. Хотя не совсем понятно, по какому поводу эта передозировка случилась. Вот это и предстоит тебе выяснить.

– Сердечный приступ? – механически переспросил Лев. – А как фамилия этого «фигуранта»? Случайно, не Тимашов?

– Да, что-то в этом роде, – удивленно взглянул на него Орлов. – А откуда ты знаешь? Кирилин уже говорил с тобой?

– Да нет, Кирилин пока не говорил, – усмехнулся Гуров. – Так, сорока на хвосте принесла.

– Что-то темнишь ты, Лева, – покачал головой генерал. – Ладно, некогда мне тут с тобой ласы точить. Задачу я тебе объяснил, об исполнении жду доклад. Постарайся не затягивать. С этим делом и так морока одна, а тут еще сюрпризы под каждой кочкой. Нужно выяснить, что там с этой передозировкой. Если он сердечник был, это одно, а если... в общем, разберись. Поговори с Кирилиным, он сейчас у себя должен быть. Он тебе все это лучше меня расскажет.

– Хорошо, поговорю, – кивнул Лев.

Выйдя от генерала, он сразу направился в кабинет коллеги.

Иван Кирилин в Управлении был старожилом. Репутация безупречно честного и дотошного человека, не закрывавшего дела до тех пор, пока не прояснятся все малейшие неясности и не будут найдены ответы на все вопросы, всякий раз играла с ним одну и ту же злую шутку.

Если при возбуждении очередного дела было ясно, что

оно грозит стать «запутанным и неоднозначным», как выразился генерал, такое дело довольно часто попадало к Кирилину. Начальство, уверенное, что уж он-то разберется и «расставит все точки», почивало на лаврах, избавившись от головной боли, а бедный Кирилин корпел над документами, разгадывая очередные преступные хитросплетения злоумышленников.

Узнав, у кого находится дело Тимашова, Гуров сразу понял, что оно из разряда «непростых». Поэтому, припомнив вчерашний разговор в театре и уверения жены, он подумал, что, вполне возможно, в предположениях об убийстве есть доля истины.

«Худрук утверждал, что этот Андрей был совершенно здоров, – думал он. – Значит, в его домашней аптечке подобных сильнодействующих препаратов, скорее всего, не было, они принесены кем-то извне. Узнав, каким образом и с какой целью, можно будет получить ответ и на главный вопрос – что явилось причиной смерти, нечаянность или злой умысел».

Определив так точно и однозначно свою ближайшую задачу, полковник и не предполагал, какими запутанными и неоднозначными путями придется идти к ее решению.

– Доброе утро, Иван Демидович! – приветствовал он коллегу, входя к нему в кабинет. – Как успехи трудовые?

– Да когда как. Все по-разному, – улыбнулся Кирилин. – Проходи, Лева, присаживайся. Ты, я так понимаю, по поводу

смерти Тимашова к нам прикомандирован?

– Точно так. Хотелось бы понять, о чем речь. Составить, так сказать, ориентировочное представление. Орлов меня сегодня как обухом по голове озадачил, даже представления не имею, что это за дело.

– А дело такое, что здесь все – как обу-хом по голове. Что ни факт, то сюрприз. Сама же эта смерть – и вообще из ряда вон. Совершенно непонятно. Насколько мне известно, Тимашов даже в профилактических целях подобными лекарственными препаратами не пользовался, а уж такого, чтобы ложками хлебать...

– То есть под наблюдением в качестве сердечного больного он не состоял?

– Ни в коем случае! Это специально выяснялось при определении условий домашнего ареста. Если по состоянию здоровья заключенный нуждается во врачебном контроле, эти пункты специально оговариваются, чтобы посещение врача не оказалось нарушением. Но в случае с Тимашовым ничего подобного не предусматривалось. Медицинская карта – просто образцовая. Сорок пять лет, отличная физическая форма, не пьет, не курит. И вдруг – сердечный приступ. Загадочно и необъяснимо.

– А что с предварительными версиями? Есть хоть какие-то предположения? Неожиданная новость, связанная с личными обстоятельствами, волнение на допросе?

– По поводу личных новостей ничего сказать не могу, а

что касается допросов, его, во-первых, давненько уже не вызывали, дней пять как минимум, а во-вторых, и когда вызывали, никаких особых волнений там не было. Я сам его несколько раз допрашивал. Могу сказать – склонности к истерикам не заметил ни малейшей. Абсолютно адекватный гражданин.

– Понятно. То есть версия с убийством не исключается?

– Боюсь, что нет, – многозначительно взглянул на Льва Кирилин.

– А мотив?

– Вот в этом-то и состоит самая главная загвоздка. Непонятен мотив. Если кто-то имел на этого Тимашова, как говорится, зуб, то, в общем-то, уже само это расследование в его отношении – неплохая месть. Мало того что вся его карьера, считай, псу под хвост пошла, ему еще и реальный срок светил. Куда уж больше?

– А вариант с «подельниками»? Мог кто-то опасаться, что Тимашов наговорит лишнего?

– Тоже сомнительно. Факт, по которому возбуждено в отношении его дело, по сути – единичный. И как таковой «подельник» тоже давно уже взят под стражу. Он даже если и захотел бы навредить, это было бы проблематично, а главное – причины нет. Все, что могли узнать, мы уже узнали. Более того, даже в отношении этого узванного сам Тимашов до последнего дня отказывался. Настаивал, что все произошло совсем не так, как установило следствие, и здесь имеет

место дезинформация. Я это к тому говорю, что, раз он даже с установленными фактами не соглашался, зачем бояться, что он что-то сам от себя «наговорит лишнего»? Сомнительно.

– Вот оно, значит, как, – задумчиво проговорил Гуров. – Выходит, с установленными фактами он не соглашался. А что это за факты? По поводу чего возбуждено дело?

– Дело это – та еще головоломка. Тимашов работал в Управлении собственной безопасности, и однажды довелось ему проводить проверку в отношении некоего Чепракова Сергея Петровича. Сергей Петрович трудился в качестве помощника прокурора, и на него поступил сигнал – дескать, он за деньги обещал такому-то гражданину прекратить в отношении его уголовное расследование. В результате этой проверки Тимашов выяснил, что сигнал ложный. Но через некоторое время оказалось, что на имя супруги Тимашова приобретен очень неплохой земельный участок с коммуникациями, предназначенный под индивидуальное жилое строительство. И продавцом в этой сделке выступил не кто иной, как Чепраков Сергей Петрович.

– Занятно.

– Еще как занятно. Дело возобновили, уже с привлечением самого Тимашова, и, как сам можешь убедиться, – маемся с ним по сей день.

– Что, все непросто?

– Еще как непросто. Факт продажи участка подтвердился,

а даты не совпали, по проверке, которую проводил Тимашов, претензий вроде бы нет, а за Чепраковым и кроме этого дела кое-какие интересные факты оказались. В общем, трудимся.

– Погоди-ка, Иван Демидович. То есть, если я правильно понял, сама по себе проверка, по поводу которой Тимашов якобы получил взятку в виде этого участка, была проведена без нарушений? Конкретно по этому факту Чепраков действительно оказался чист?

– По этому факту – да. Но я ведь тебе сказал, что кроме сигнала по этому уголовному делу у Чепракова были и другие нарушения. Мы сейчас проверяем, там нюансы есть, можешь мне поверить. И почему мы не можем предположить, что в рамках того самого сигнала подобную же проверку не мог провести Тимашов? У него были все возможности. Он видит, что хотя в одном конкретном случае информация не подтвердилась, зато еще в нескольких она очень даже достоверна, и начинает задавать Чепракову некоторые наводящие вопросы. Тот понимает, что ему «светят» новые проблемы, и предлагает их решить, так сказать, полюбовно.

– Фиктивно продав участок, а на самом деле подарив?

– Именно! Хотя там схема даже интереснее. Если ты обратил внимание, я уже упомянул, что не совпали даты. То есть сам факт продажи участка произошел еще до того, как в отношении Чепракова была возбуждена проверка. И даже задолго до того. Так что, с одной стороны, здесь как бы ничего не совпадает. Но с другой – подобные «предваритель-

ные» деловые встречи – неплохой задел для последующих контактов и лишний повод к достижению успешных договоренностей.

– А как вообще получилось, что Тимашова назначили проводить проверку в отношении своего фактически знакомого?

– Ну, знакомство там, конечно, весьма условное. Участок приобретен на имя супруги Тимашова, и насколько сам он принимал там личное участие – неизвестно. К тому же, как я уже сказал, все это случилось довольно давно. Возможно, они даже и тогда не встречались лично, и уж совсем не факт, что были близкими друзьями. Поэтому, что касается назначения Тимашова на эту проверку, тут, по-видимому, все произошло без подтекста. А по ходу дела разные интересные обстоятельства вполне могли всплыть на поверхность. Ведь в таких случаях финансовые документы тоже проверяются, сам знаешь. Что когда продано, что приобретено, на какие средства. В общем, материалы для работы, прямо скажем, имеются. Мы сейчас как раз проверяем все эти «денежные потоки», которые проходили по счетам Чепракова. Предварительные итоги наводят на размышления. В частности, как раз во время той самой проверки, которую проводил Тимашов, уважаемый помощник прокурора осуществил несколько довольно своеобразных финансовых операций с не очень понятными целями. В схеме – очень много общего с тем, когда пытаются увести бюджетные деньги ку-

да-нибудь «в небытие».

– Но здесь деньги – не бюджетные. Какой смысл воровать у себя самого?

– А в том и смысл, чтобы никто не догадался, куда реально они пошли, эти деньги. В случае с воровством из бюджета, все это идет в карман какому-нибудь ушлому чиновнику, а в нашем случае – в карман нужному человеку.

– Тимашову?

– Именно!

– И это удалось доказать?

– Не так быстро, Лева. Ты даже не представляешь, насколько там все запутано. Мои ребята над этими счетами уже всю голову изломали. И там не только о Тимашове речь. Но по поводу конкретно этого случая могу тебе сказать вполне определенно – вероятность того, что Чепраков вернул ему деньги за участок, который ранее был реально продан, вполне допустима.

– То есть могло оказаться так, что Тимашов, ранее купивший у Чепракова участок, во время проводившейся проверки, в свете новых открывшихся обстоятельств, уже пожелал получить его как подарок?

– Точно! А чтобы возвращение этих денег не выглядело как прямая взятка, Чепраков для перечисления денег куда нужно прибегнул к разным замысловатым способам. Но еще раз хочу подчеркнуть – это далеко не все. То есть – в плане Чепракова. По Тимашову ничего «дополнительного» мы не

нашли, за ним – только нюансы по этой проверке. А вот с помощником прокурора, похоже, придется «сотрудничать» еще долго.

– И в отношении его никто не беспокоится, что он «наговорит лишнего», никто не покушается на его жизнь?

– То-то и оно. Поэтому я и говорю – как-то все с этой смертью очень загадочно. Но мои ребята эти дополнительные загадки уже не осият. Так что эта благодатная нива – в полном твоём распоряжении, Лева. Действуй! Если нужна будет какая-то информация по нашей части, то есть по фактам коррупции и финансовым схемам, – обращайся, всегда поможем. Можешь прямо ко мне или к кому-нибудь из ребят. Может, и правда выяснится, что эта смерть как-то связана с профессиональной деятельностью. Хотя я лично не представляю, как именно могла образоваться эта связь. Но – решать тебе. Ты человек опытный, у тебя за плечами не одна головоломка разгаданная. Попытайся разгадать еще и эту. Мы только благодарны будем, если хоть часть работы с нас снимешь.

– Еще бы! – лукаво усмехнулся Гуров. – На чужие плечи свои заботы перевалить каждый рад. Я бы и сам не отказался.

– Но в этот раз повезло мне, – улыбнулся в ответ Кирилин. – Так что трудись. Честно говоря, если бы пришлось мне самому еще и этим заниматься, я бы, наверное, с катушек съехал. Даже не представляю, с какого края здесь начинать нужно. Зацепок – ноль. Разве что жена отравила, боль-

ше некому. В квартире – кругом видео-камеры, все просматривается и прослушивается насквозь. Ни до, ни после – никаких посторонних. Даже адвокат не приходил. Только супруга, да и та заходила лишь накануне вечером.

– Камеры зафиксировали, как произошла смерть? – с интересом спросил Лев.

– Да, разумеется. Ничего особенного. Переходил из комнаты в комнату, вдруг схватился за сердце. Потом упал. Все. Классический сердечный приступ. В общем-то сначала так и подумали, ничего криминального никто и не предполагал. Только когда вскрытие произвели, стало понятно, что не все здесь чисто. Да и то благодаря лишь тому, что оперативно все сделали. Еще день-другой, и время было бы упущено, этот препарат, которым его «накормили», разлагается быстро. Так и списали бы на естественную смерть.

– То есть выяснилось все, можно сказать, буквально вчера? – спросил полковник, вспомнив «невежливость» Орлова, даже не предупредившего его о новом задании.

– Можно даже сказать, буквально вчера вечером, – уточнил Кирилин. – Так что у тебя – эксклюзивная возможность действовать по горячим следам.

– Да, действительно. Что ж, поспешу воспользоваться этим преимуществом. Да и тебя не буду отвлекать от дел. В целом ситуация понятна.

– А возникнет что непонятное, я уже говорил – обращайся. Чем можем, поможем, – обнадежил Кирилин. – Да и меня

постарайся держать в курсе. Если окажется, что тут и впрямь что-то связанное с основными фактами по делу, нам, как сам понимаешь, необходимо об этом знать.

– Да, разумеется. Как только удастся выяснить что-то конкретное, сразу сообщу. Бывай, Иван Демидович! Удачного дня!

Выйдя из кабинета Кирилина, Гуров медленно шел по коридору, обдумывая полученную информацию. Несмотря на заверения в том, что ситуация ему понятна, полковник пребывал почти в такой же растерянности, как и его коллега, не представляя, с какого края здесь нужно начинать.

Понятны были обстоятельства смерти Тимашова, но никак не причина, а это и было самым существенным. Любое расследование преступления начинается с вопроса «кому выгодно?», а в данном случае этот вопрос зависал в информационном вакууме.

«Точно сказал Кирилин, зацепок – ноль, – думал полковник. – Что ж, похоже, на начальном этапе придется заняться механическим собиранием всей возможной и невозможной информации. Тупо «грести под себя» все, что может иметь хоть какое-то отношение к этому делу, и не торопиться с версиями и гипотезами. В этом плане, кстати, может очень пригодиться телефон адвоката, который дал Машин худрук. Не исключено, что ему может быть известно что-то из подводной части этого айсберга, какая-то информация, которая не зафиксирована в официальных документах. Внутренние

расследования – история всегда неоднозначная. Мало ли что там могло сыграть».

Помимо адвоката, полковник считал делом первостепенной важности и разговор с женой, точнее, теперь уже вдовой Тимашова.

Выражение «хлебать ложками», которое употребил Кирилин в отношении препарата, вызвавшего у Тимашова сердечный приступ, было, конечно, очень образным. Но в данном контексте оно вполне могло приобрести и буквальное значение. Препараты такого рода принимаются внутрь. Незаметно их можно подсунуть, только добавив в еду. А учитывая концентрацию, которая оказалась настолько высокой, что привела к смерти абсолютно здорового крепкого мужчины в расцвете лет, слова о «хлебании ложками» уже не казались метафорой.

«Если, кроме адвоката, Тимашова могла посещать только жена, то она, по-видимому, и заведовала гастрономической частью, – продолжил размышлять Гуров. – Тогда вариантов только два. Либо сама жена и «накормила» муженька сердечным препаратом, то есть именно она – та самая «отравительница», как сказал Кирилин. Либо кто-то ухитрился добавить препарат в еду без ее ведома, но точно зная, что именно этот продукт в ближайшее время употребит Тимашов».

Вывод был логичным, но совсем неутешительным. Проблема даже не в том, что возможных версий мало, а в том, что, единственно возможные, они же были и самыми неве-

роятными.

Квартира, где находится человек, заключенный под домашний арест, всегда под завязку «нафарширована» специальной аппаратурой, позволяющей контролировать все, что в этой квартире происходит. Любое действие и самого Тимашова, и всех, кто находится в квартире, фиксируют видеокамеры. Жена сотрудника Управления собственной безопасности не могла об этом не знать.

Решиться при таком тотальном контроле подсыпать или подливать что-то подозрительное в пищу мужа значило бы собственноручно подписать себе приговор. Возможно, не смертный, но и не слишком привлекательный. Кто пойдет на подобное безрассудство?

Версия с «подсыпанием» вещества без ведома жены и самого Тимашова тоже выглядела довольно сомнительно. Каким образом посторонний человек смог бы осуществить такой маневр? В момент приготовления пищи он не мог присутствовать по определению. Добавить препарат в какие-то полуфабрикаты? Где гарантия, что они попадут на стол Тимашова? А все, что гарантированно на этот стол попадает, опять же, фиксируется видеонаблюдением. Невозможно незаметно проникнуть в квартиру и подсыпать смертельную дозу лекарства в компот.

«Нет, кажется, и здесь формулировать версии пока рановато, – думал полковник, заходя в свой кабинет. – Для начала не мешало бы узнать, как вообще происходил процесс корм-

ления Тимашова. Возможно, и здесь были какие-то ограничения, связанные с арестом. Ведь в СИЗО проверяют передачи. Может быть, что-то подобное было предусмотрено и для Тимашова. А если на его стол попадали только определенные продукты, которые предварительно досматривались определенными людьми, это уже дает некое пространство для маневра. По крайней мере, тогда будет понятно, что доступ к продуктам, употребляемым арестантом, имела не только жена».

Определившись с этим вопросом, Гуров раскрыл блокнот и нашел номер адвоката, который на вчерашней встрече продиктовал ему Валерий Алексеевич.

– Добрый день, – через минуту вежливо говорил он в трубку. – Мне нужен Заруцкий Павел Егорович.

– Я слушаю, – несколько настороженно прозвучал в ответ довольно приятный баритон.

– Вас беспокоит полковник Гуров. Я провожу дознание по факту смерти Андрея Тимашова. Если не ошибаюсь, вы были его адвокатом? У меня есть к вам несколько вопросов. Мы можем встретиться и поговорить?

– Гуров?! – донесся из трубки радостный возглас. – Надо же, как оперативно! Валерий Сергеевич говорил мне, что вы согласились заняться этим делом и что он передал вам мой номер. Но, признаюсь, я даже не думал, что вы будете действовать с такой быстротой. Разумеется, я готов встретиться с вами. Чем раньше все это прояснится, тем лучше. Вам

удобно будет подъехать в мой офис? Или лучше мне прийти к вам?

– Думаю, лучше мне, – сказал Гуров, невольно улыбнувшись рвению Заруцкого. – К чему лишний официоз? Побеседуем в неформальной обстановке.

– Да, конечно. Как вам удобнее. Записывайте адрес. Найти меня очень несложно, моя контора находится недалеко от здания Мосгорсуда, а уж этот-то адрес всем известен.

Записав координаты конторы Заруцкого, полковник заверил, что выезжает сию минуту и появится в офисе адвоката уже очень скоро.

– Отлично! – вновь очень радостно отреагировал тот. – С нетерпением буду вас ждать.

Глава 2

Офис адвоката располагался в обычной жилой многоэтажке, стоявшей не так уж близко от здания Мосгорсуда. Но ориентир все-таки помог, и Гуров без труда нашел нужную ему контору.

Войдя, он сразу заметил, что в офисе Павла Заруцкого все обставлено очень солидно. По-видимому, адвокат предпочитал работать с клиентами из обеспеченных слоев общества.

В небольшом, но уютном вестибюле несколько помощников общались с клиентами попроще. Оттуда можно было попасть в «предбанник» с обязательной секретаршей, и только из него дверь вела уже в кабинет самого хозяина.

– Добрый день! – радостно поднялся навстречу Гурову высокий моложавый мужчина приблизительно его возраста. – Проходите, присаживайтесь. Очень, очень рад, что вы согласились помочь нам.

– Надеюсь, и вы не откажетесь помочь, – улыбнулся в ответ Лев.

Заруцкий не мог знать о событиях сегодняшнего утра и, несомненно, продолжал думать, что содействие Гурова продиктовано лишь дружеским участием. А тот не спешил его переубеждать. Он уже не раз сталкивался с тем, что у самых разговорчивых помощников моментально пропадала словоохотливость, как только они узнавали, что содержание бесе-

ды может быть использовано в рамках официального расследования.

– Как же, как же, – зачастил Заруцкий. – Буду очень рад. Когда я узнал, что этим вопросом займется сам Гуров, признаюсь, сразу же воспрянул духом.

– Сам Гуров? – удивленно поднял на него глаза полковник. – А что во мне такого особенного?

– Не скромничайте, – улыбнулся адвокат. – О вас, можно сказать, ходят легенды, и, признаюсь, я даже горд, что мне представился случай пообщаться и, возможно, даже поработать с таким человеком.

«Да, клиенты, наверное, уходят отсюда довольными, – думал Гуров, слушая эти хвалебные речи. – Не знаю, как насчет реальной помощи, но в плане повышения самооценки общение с господином Заруцким настоящий кладезь приятного и полезного».

– Что ж, если вы готовы поработать, может быть, перейдем прямо к делу? – постарался он направить диалог в конструктивное русло.

– Да, разумеется. Действительно, незачем тратить зря драгоценное время.

– У вас есть какие-то версии о причинах смерти Андрея Тимашова?

Задавая в лоб и без подготовки этот вопрос по существу, Гуров намеревался использовать как эффект неожиданности, так и свое преимущество в плане осведомленности.

Адвокат не мог знать, что по результатам вскрытия уже установлено, что смерть Тимашова не была следствием естественных причин. И то, как он будет отвечать, сразу могло показать, насколько искренним будет этот разговор в целом.

Заруцкий был одним из тех двоих, кому разрешалось посещать заключенного, и ему вполне могло быть известно что-то нелицеприятное, что могло указать на убийцу. Рассыпаясь в комплиментах, он не успел подготовиться, и теперь Лев внимательно следил за выражением его лица, стараясь уловить произвольные движения, которые могли бы указывать на попытку скрыть некие «тайные знания».

Но лицо адвоката выражало лишь неподдельную скорбь.

– Причина здесь одна, – тяжело вздохнув, произнес он. – Зависть и попытка нажиться за чужой счет.

– То есть? – удивленно взглянул на него Гуров.

– А то и есть. История изначально на-думанная. Все эти расследования, все эти возбужденные против Андрея дела, все это – полный бред. Вздор, фикция! Продуманная подстава, кем-то умно и умело организованная!

– Вот как? – с неподдельным интересом выслушал этот прочувствованный монолог Лев. – И у вас имеются реальные факты, подтверждающие подобную версию?

– С фактами здесь, конечно, сложно, – снова вздохнул Заруцкий. – Но посудите сами. Уже сама причина, по которой завели дело на Андрея, уже она у любого здравомыслящего человека вызовет как минимум удивление. Он, видите ли, не

сообщил «куда следует» о том, что ему предлагали взятку. Каково? Человек, которого Андрей, можно сказать, лишь по доброте душевной избавил от неприятнейшего разбирательства, этот же человек его, попросту говоря, «закладывает». Мыслимо ли это? И какие, скажите на милость, могут быть тому причины? Личная инициатива? Как бы не так! Все это подстроено, уверяю вас. Подстроено с самого начала. И хотя у меня, конечно, нет таких широких возможностей для выяснения всех этих фактов, но и того, что мне известно, уже вполне достаточно, чтобы сделать определенные выводы. И я вам ответственно заявляю, все эти обвинения против Андрея – заранее продуманная и организованная кампания!

К концу своего монолога Заруцкий настолько проникся чувством справедливого негодования, что последнюю фразу почти выкрикнул.

– Вы не могли бы подробнее объяснить, о чем идет речь? – спросил Гуров.

– С удовольствием! То есть удовольствие здесь, конечно, небольшое, но, по крайней мере, радует то, что обо всем этом станет известно такому человеку, как вы. Теперь у нас есть хоть какой-то шанс восстановить справедливость.

– Вы упомянули, что кто-то «заложил» Андрея за недоносительство. В чем суть этой истории?

– История довольно мерзкая, но... Пожалуй, начинать нужно не с нее. Началось все, по-видимому, с проверки, которую Андрей проводил в отношении некоего Прокудина,

следователя прокуратуры. На него поступил сигнал, что он без достаточных оснований закрыл уголовное дело, и в результате проверки этот факт подтвердился. Выяснилось, что Прокудин получил от одного из фигурантов денежную сумму, после чего расследование было приостановлено, а потом и вовсе закрыто.

– Уголовное дело? – удивленно поднял брови полковник. – Наверное, сумма была очень привлекательная.

– Да, кажется, неплохая. Но и обвинение там не относилось к особо тяжким. Дело о мошенничестве, так что, закрывая его, Прокудин, видимо, не считал, что особо рискует. И статья «лояльная», да и само дело такое, что варианты, как говорится, возможны. Сами знаете, мошенничество – такая область...

– Неоднозначная, – подсказал Лев.

– Вот именно. В общем, деньги он взял и дело закрыл, а Андрей все это установил. И совсем уже было собрался материалы в суд передавать, как вдруг откуда ни возьмись является к нему один из коллег и начинает слезно просить за временно и нечаянно оступившегося несчастного следователя Прокудина. И родственник-то он его, и женат-то, и дети у него малые. В общем – печаль такая, разве что каменное сердце не дрогнет.

– Но Тимашов устоял? – усмехнулся Гуров.

– Да, представьте, – нахмурился Заруцкий. – Это – к вопросу о взяточничестве. Надо было взять, наверное, а он от-

казался. За это, похоже, и поплатился. В общем, после неудачи с Андреем попытался этот Коля через высшие инстанции решить проблему, да тут и погорел. Прикрывать его не стали, сразу завели дело. А он, уж не знаю, то ли выслужиться перед кем-то хотел, то ли просто со зла, взял, да к тому, что было, себе и еще один интересный эпизод добавил. Дескать, мне все равно уже терять нечего, так я и других, кого смогу, за собой утяну. Чтоб одному не скучно было сидеть.

– Вообще-то все это немного странно, – задумчиво произнес Гуров. – Каким бы он злопамятным ни был, но добавлять себе самому новые эпизоды – это довольно своеобразный способ отомстить. Что это за Коля такой?

– Коля? Семенов Николай. Он тоже в Управлении собственной безопасности работал. Коллега, можно сказать. Для Андрея, я имею в виду. Вот такие вот бывают коллеги. А по поводу новых эпизодов, там ведь тоже причины разные могут быть. Может, ему за сотрудничество со следствием срок скостить пообещали или еще какой-нибудь «бонус». Вот он и старался. Но если хотите знать мое мнение – что бы там ни пообещали, а предавать своих, это... мерзко. У Андрея гораздо больше было оснований сдать его, однако ж он поступил по-другому. А этот... Ладно. Не нам судить. В общем, завели и в отношении Андрея дело, а дальше – пошло-поехало. Заработала машина. Кроме «недоносительства», подняли и еще какие-то столетней давности истории, вспомнили, что когда-то у кого-то Андрей приобрел

какой-то там участок.

– Но ведь он действительно приобретал, – внимательно глядя в лицо Заруцкому, проговорил Гуров. – Приобретал, а через некоторое время в отношении этого же человека проводил проверку. И она, заметьте, ничего не показала. Согласитесь, многие склонны будут увидеть взаимосвязь между этими фактами. И возможно, не без оснований. Не знаю, как относительно Андрея, но что касается Чепракова, там интересных фактов более чем достаточно.

– Но поймите, – с чувством проговорил Заруцкий, – все эти факты – совсем иные. Не те, по которым проводил проверку Андрей. Да, я готов согласиться, что этот самый Чепраков, вполне возможно, был нечист на руку. Но эпизод, который расследовал Андрей, действительно оказался недоказанным. Не было там состава преступления, в этом отдельно взятом конкретном случае. И вам, я думаю, как никому другому, легко будет это проверить. Посмотрите дело этого Чепракова, которое разбирал Андрей. Вам сразу все станет понятно.

– Хорошо. Пусть так. Пускай в действительности Андрей Тимашов виновен лишь в том, что не брал взятки и, не подумав, прикрыл подлеца, который того не стоил. Человек, которого он в свое время защитил, в «благодарность» его же и выдал, ему испортили успешную карьеру и, можно сказать, всю жизнь перевернули с ног на голову. Уронили так, что не подняться. Пусть так. Но Тимашов работал в Управлении

собственной безопасности, а слабаков туда не берут. Вы общались с Андреем, знали его лично. Как по-вашему, все эти ужасные несчастья – достаточная причина для того, чтобы умереть от сердечного приступа?

Вопрос оказался для Заруцкого неожиданным. Некоторое время он молчал, о чем-то размышляя, потом произнес:

– Со смертью этой действительно все как-то странно. Насколько я знаю, Андрей был вполне здоровым человеком, даже не курил. И все эти, как вы выразились, «ужасные несчастья», конечно же, не причина, чтобы взрослого, здравомыслящего человека, крепкого мужика, до такой степени выбить из колеи, чтобы он от расстройства помер. Но дело в том, что это действительно был сердечный приступ. У меня есть некоторые каналы, я наводил справки. Момент смерти зафиксировали видеокамеры. Ведь квартира Андрея, в связи с этим арестом, была буквально напичкана оборудованием. Так вот, если судить по съемке, ничего подозрительного в момент смерти не происходило. Андрей схватился за грудь и упал. До этого он несколько часов находился в полном одиночестве, его супруга, Ирина, приходила лишь накануне вечером.

Порадовавшись за адвоката, имеющего столь полезные «каналы», Гуров подумал, что еще день-другой, и Заруцкому, возможно, станут известны результаты вскрытия.

Но, так или иначе, относительно мотивов предполагаемого убийства его собеседник, кажется, не много мог добавить

в копилку фактов.

Несмотря на то что в рассказе адвоката «гонения» на Тимашова действительно очень смахивали на некую организованную кампанию, цель этих мероприятий не была до конца ясна.

Кому он мог помешать? Прокудину, которого «закрыли» по результатам работы Тимашова? Но тот самими этими результатами уже скомпрометирован. К тому же он находится в местах заключения и для организации «охоты на ведьм» просто не имеет возможности. Какие-то «соратники», которые взялись мстить? Маловероятно. У каждого своих проблем хватает, чтобы еще отрабатывать за других.

И тем не менее кто-то, невзирая на риск быть замеченным и пойманным, подсыпал Тимашову ту самую «лошадиную дозу» совершенно ненужного ему лекарства.

«Интересно, в домашней аптечке у них были подобные препараты? – размышлял полковник. – Ясно, что сам Тимашов ими не пользовался, но, может быть, принимала жена? Нужно выяснить, что там оказалось при обыске. Да и к экспертам заглянуть не мешает. Уточнить, что это за «лошадиная доза».

– Что ж, Павел Егорович, думаю, мне стоит воспользоваться вашим советом и действительно проштудировать все эти интересные дела, – сказал Лев. – И в отношении Прокудина, и в отношении Семенова. Да и случай с Чепраковым, который проверял Тимашов, пожалуй, тоже не помеша-

ет поднять. Возможно, изучив эти материалы, я смогу прийти к каким-то заключениям, объясняющим произошедшее. А то ведь и вправду получается, что смерть человека случилась без видимых причин. Немного странно.

Заруцкий некоторое время молча и с весьма многозначительным выражением смотрел на Гурова, потом произнес:

– Я, конечно, не следователь. Не имею доступа к информации и не могу знать всего. Поэтому никогда не рискну утверждать, что мои слова – истина в последней инстанции. Но кое-что я все-таки должен вам сказать. В современном мире лекарственная индустрия развита как никогда, препаратов великое множество. И таких, которые лечат, и таких, которые калечат. И при желании этими препаратами можно воспользоваться... по-всякому.

– Намекаете на то, что в отношении Андрея кто-то именно этим и воспользовался?

– Не исключено, – веско произнес адвокат. – Еще раз подчеркну – я не могу здесь ничего утверждать достоверно, но вероятность такая явно не исключена.

– Но тогда сразу возникает вопрос о мотиве. У вас есть какие-то соображения по этому поводу?

– С соображениями по поводу возможных мотивов пока сложновато, – смущенно проговорил Заруцкий. – Можно, конечно, предположить, что ему решил отомстить кто-нибудь из бывших «фигурантов». Но, признаюсь, с конкретными примерами у меня туговато. Я не так подробно знаю

работу Андрея, только те дела, которые он разбирал уже в последний период, непосредственно перед тем, как все это случилось. Так что здесь проще будет ориентироваться вам.

– А кроме профессиональной деятельности, версий нет? У Андрея могли быть враги только в этой сфере?

– Боюсь, что и здесь я не так хорошо осведомлен, чтобы высказываться с определенностью. Но по личному опыту могу сказать, что Андрей – человек открытый и довольно приятный в общении, неконфликтный. Он не из тех, кто имеет талант наживать врагов. Хотя об этом, конечно, лучше поговорить с кем-нибудь из близких.

– Да, наверное. Но и из беседы с вами я тоже узнал много интересных фактов. Теперь у меня есть как минимум одно вполне ясное направление работы. Благодарю за конструктивный диалог.

– Рад, что смог чем-то помочь, – вновь улыбнувшись, проговорил Заруцкий. – Если понадобится еще что-то, уточнения или дополнения – всегда к вашим услугам.

Попрощавшись с адвокатом, Гуров поехал в лабораторию. В дороге ему позвонил Валерий Алексеевич и в своей обычной эмоциональной манере сообщил, что он договорился с Ириной Тимашовой о встрече.

– Она сказала, что после шести часов вы можете прийти в любое время. То есть это – если сегодня. Насчет других дней я не выяснял, но, если нужно, могу спросить.

– Нет, зачем же дергать человека? Думаю, ей сейчас и без

того несладко.

– Да, она в состоянии просто плачевном. Но что делать? Жизнь продолжается. Андрея больше нет с нами, а проблемы остались и никуда не денутся. Это – из разряда вещей, не подверженных тлению.

– Да уж, – усмехнулся Лев.

– Понимаю, что, возможно, тороплю события, но не терпится разобраться во всем этом, узнать, что же на самом деле произошло. Нет ли каких новостей?

– Боюсь, вопрос действительно преж-девременный. Я еще только начал вникать в суть дела. Там, похоже, все изрядно запутано, так что быстрых результатов ждать, наверное, не стоит.

– Правда? Что ж, этого можно было ожидать. Совершенно здоровый человек умирает от сердечного приступа. Конечно, все будет запутано. Но раз уж за дело взялись вы, у нас есть твердая надежда распутать этот клубок.

– Благодарю.

– Кстати, вы еще не встречались с Заруцким? Я звонил ему, говорил, что у вас есть его номер телефона и что вы, возможно, захотите поговорить с ним.

– Я как раз от него сейчас еду.

– О! В самом деле? Вы – настоящий оперативник. Во всех смыслах. Действуете просто молниеносно. Что ж, тогда, думаю, я действительно не ошибся, договариваясь с Ириной на сегодня.

– Да, вы верно угадали. После шести я обязательно загляну.

– Отлично! Адрес запомните? Или мне скинуть эсэмэской? Она сейчас живет у сестры, в связи с арестом пришлось переехать. Судья настаивал, чтобы Андрей проживал в квартире один.

– Вот как? – немного удивился Гуров. – Какие строгости.

– Да, вот так. Такие были условия. А иначе – в СИЗО. Сами понимаете, альтернатива не из приятных.

– Само собой. Скиньте адрес, если несложно, мне так будет удобнее.

– Договорились. Удачи вам в этом расследовании. Мы все очень ждем его результатов.

– Спасибо, я буду стараться, – улыбнулся полковник.

Приехав в лабораторию, он выяснил, что вскрытие тела Андрея Тимашова проводил Дмитрий Быковский. Он не так давно работал в лаборатории, и вместо имени и фамилии его частенько величали «молодым специалистом».

Личного кабинета у «молодого специалиста» не было, и всю бумажную работу он выполнял в так называемой лаборантской – месте общего сбора сотрудников в редкие моменты перерывов в работе. В лаборантской пили чай, обсуждали последние новости, перемывали кости коллегам и сослуживцам, жаловались друг другу на несправедливое начальство и то и дело забывали вещдоки.

Кроме стола и обтертого до лоска дивана, в лаборантской

имелись и некоторые эксклюзивные образцы бытовой техники, как-то: холодильник «Саратов» 1986 года выпуска, микроволновая печь, ненамного моложе по возрасту, и персональный компьютер, завезенный в страну, по-видимому, с самой первой партией компьютеров, привезенных в СССР из-за границы.

Именно за ним сидел сейчас «молодой специалист», нервно ударяя по кнопкам почти стертой клавиатуры и время от времени взглядывая на экран монитора.

– Здорово, Дима, – дружески протянул руку Гуров. – Трудисься?

– Здравствуйте, Лев Иванович, – грустно проговорил Дима. – Какой это труд? Это не труд, это каторга. Разбить, что ли, его? – Он вновь глянул на монитор, но уже как-то нехорошо и даже кровожадно. – Может, хоть тогда поновее что-нибудь выделят.

– Не вздумай! Такой техники теперь днем с огнем не найдешь. Еще годик-другой, и ее можно будет как раритет на Сотбис отправить.

– Самый первый компьютер в мире?

– На постсоветском пространстве уж точно. Но сейчас я к тебе не по этому вопросу. Труп уэсбэшника с передозировкой ты вскрывал?

– С передозировкой? – удивленно взглянул Дима. – А, это вы, наверное, про лекарства. Сердечный препарат, да?

– Да. Мне сказали, он пропранолола наелся до отвала.

Действительно? Так и было?

– Как оно там было, мне, конечно, сложно сказать, но, судя по остаточным следам, и правда наелся так наелся. Для этого лекарства даже суточная доза – максимум полграмма. А тут зараз человек проглотил, похоже, грамма три-четыре. Но это бы еще, может быть, и ничего. Организм у всех по-разному реагирует, может, и выжил бы, если бы своевременную помощь оказали. Но дело в том, что там еще и следы алкоголя в крови обнаружили. А это уже сочетание несочетаемое.

– Алкоголя? – наострил уши Гуров. – И что, тоже «передозировка»?

– Да нет, там дозы минимальные. С жизнью вполне совместимо, – усмехнулся Дима. – Но с попронололом – нет. И здесь уже доза даже не имеет значения.

– Понятно. Послушай, Дима, а у этого пропронолола вообще по здоровью какие противопоказания? Кому его нельзя назначать, ты, случайно, не в курсе?

– Кому нельзя? Хм... – задумался Дима. – Я, вообще-то, не врач, конечно, но если судить по общему действию... Вообще-то, насколько я знаю, его как раз некоторым сердечным больным и нельзя назначать. Хотя лекарство это, как говорят, от сердца. Но общее действие его таково, что оно давление понижает. Соответственно, тем, у кого и по жизни давление низкое, его назначать противопоказано. С сердечной недостаточностью тоже нельзя, с сахарным диабетом. И еще

с общим наркозом пропранолол тоже очень плохо сочетается. Если и то, и то применить, пациент может вообще навсегда в нирвану отъехать. Ну, про алкоголь я уже упоминал.

– Это да. С алкоголем из лекарств, насколько я знаю, вообще мало что сочетается. А вот еще тебе вопрос на засыпку. Можно ли человека накормить такими таблетками незаметно для него самого? Хотя бы теоретически? Добавить в еду, например?

– Теоретически можно, – бросив проницательный взгляд на полковника, ответил Дима. – Только у некоторых препаратов вкус довольно неприятный. Таблетки ведь разные есть, не только именно пропранолол. Он как действующее вещество идет, а названия разные могут быть. И, в зависимости от добавок, соответственно, разный вкус. Есть и горькие, и всякие. Но если пища, скажем, со специями, а вкус у таблеток не слишком выраженный... теоретически, думаю, можно. А что, есть подозрение, что этого уэсбэшника отравили?

– Подозрения у меня разные есть, но поскольку все они в стадии проверки, я их пока ни с кем не обсуждаю.

– Понял, не дурак, – усмехнулся Дима. – Только что до алкоголя, это навряд ли насильно кто-то влил.

– Да, наверное, – задумчиво произнес Гуров. – Хотя лично я знаю очень многих, кто просто в виде пищевой привычки употребляет стопочку за обедом. Так что в некоторых случаях никакое насилие и не нужно. Бывай, Дима!

– До свидания, Лев Иванович. Заходите, если что.

– Если что, зайду.

Выйдя из лаборатории, Гуров сел в машину и набрал номер Кирилина.

– Еще раз здравствуй, Иван Демидович. У меня к тебе вопрос, как к руководителю следственной группы. Ты должен быть в курсе, раз уж курируешь это дело. Там у Тимашова в квартире аппаратуру сняли уже?

– Должны. По крайней мере, утром мне докладывали, что ребята из службы исполнения наказаний на место выехали. Ведь это они занимались установкой. А что ты хотел?

– Хотел видео посмотреть за два-три последних дня. Чего они там наснимали, эти камеры. Сенсаций, конечно, не жду, но, думаю, будет полезно. Кто знает, может, мелочь какая-нибудь интересная мелькнет.

– Добро! Я сейчас созвонюсь с ними, узнаю, как там дела, и перезвоню тебе.

Идет?

– Идет. Да, и еще. Кто обнаружил труп?

– Жена. Она пришла вечером готовить ужин, и... вот.

– Ясно. А забирали твои?

– Забирали мои. Точнее – оформляли.

– Да, я как раз об этом. Обыск производили?

– Само собой. Все как полагается.

– А изъятое? Есть что-нибудь?

– Например, похожие препараты в аптечке?

– Прямо в корень зришь.

– Нет, Лева, таблеток пропранолола мы там не нашли. Сердечных больных в этой семье, похоже, не было. Разве что валидол обнаружили, да и тот, по-видимому, на всякий случай лежал.

– А вообще изъятое имеется? Подозрительные предметы, личные записи?

– Практически ничего. Подозрительных предметов там, пожалуй, не могло быть просто по определению, сам понимаешь – видеокамеры везде, ничего подозрительное не скроется. А что до личных записей... приобщили мы один блокнотик, да и то, честно тебе скажу, для морального удовлетворения больше.

– Чтоб не казалось, что зря ходили?

– Типа того. Он у меня к делу приобщен, если интересно будет, можешь потом посмотреть. Так насчет видеоматериалов звонить мне?

– Да, конечно. Я с нетерпением жду возможности посмотреть интересное кино.

Через несколько минут Кирилин перезвонил и сообщил, что спецаппаратура, установленная в квартире Тимашова, снята, и долгожданное «кино» Гуров сможет посмотреть очень скоро.

– Они обещали карточки привезти в течение часа, – сказал Кирилин.

– Карты памяти?

– Да, их. Их ведь все равно к делу прилагать, так что мо-

жесть к смежникам нашим не ездить. Весь сервис «на дому» получишь, не выходя из кабинета.

– Ну, насчет «не выходя из кабинета», это я бы поспори́л, – усмехнулся Лев. – Но в целом – рад. По крайней мере, не придется лишний раз ехать на другой конец города, – вполголоса добавил он, нажимая на сброс.

В связи с приближавшимся окончанием рабочего дня транспортные потоки на столичных магистралях уплотнились. Поэтому полковник добрался в Управление практически одновременно с сотрудниками из службы исполнения наказаний, доставившими видеоматериалы, и ему не пришлось ждать.

– Я у вас как передаточное звено, – усмехаясь, заметил Кирилин. – Принял-сдал. Хоть впечатлениями потом поделюсь. За все время, что веду это дело, это первый материал, который не я первый смотрю.

– Ладно, если будет «клубничка», опишу в красках, – улыбнулся в ответ Гуров.

Но «клубнички» на видеозаписях не было. Если верить съемке, дни арестованного проходили довольно скучно и однообразно. Подтянутый темноволосый мужчина средних лет, по-видимому, заранее определил для себя режим на этот нелегкий период своей жизни и неукоснительно его придерживался.

Утром, после обычных гигиенических процедур, он в течение часа занимался физическими упражнениями, потом

завтракал, потом либо читал, либо смотрел телевизор. Иногда что-то записывал и как будто над чем-то размышлял.

Ничего подозрительного в квартире действительно не происходило, и за последние три дня перед смертью, записи которых решил отсмотреть Гуров, Тимашова не навещал даже адвокат. Только жена, миловидная белокурая женщина, аккуратно являлась каждый вечер с пакетами продуктов.

В свете недавнего разговора с Димой именно этим продуктам полковник уделил особо пристальное внимание.

Видеозапись последнего дня жизни Андрея Тимашова свидетельствовала, что завтрак его состоял из классической яичницы с ветчиной и чашки кофе.

Но за обедом, разогрев суп, Тимашов щедро влил в свою тарелку некую густую смесь из небольшой баночки, в каких обычно продают различные соусы.

Остановив просмотр и увеличив кадр, полковник смог прочитать надпись на этикетке. «Аджика по-кавказски» — вещали сочные, ярко-красные буквы.

– О черт... – пробормотал себе под нос Лев, припоминая подробности разговора с «молодым специалистом». – Как он там говорил? «Если пища со специями, а вкус у таблеток не слишком выраженный»? Так, кажется? Что ж, как минимум пища со специями здесь налицо.

С содроганием следя за тем, как Тимашов в самом буквальном смысле «хлебает ложками» предполагаемую отраву, Гуров вскоре стал свидетелем новой «душераздирающей»

сцены.

Доев суп, Тимашов положил себе на тарелку картофельное пюре и котлету и вновь густо залил этот натюрморт ярко-красной смесью.

– Черт, черт, черт! – бессмысленно повторял полковник, следя за тем, с каким удовольствием Тимашов поглощает снесь. – Парень, похоже, любил остренькое. И кажется, кроме его самого, об этом знали еще некоторые.

«Обеденный перерыв», который наблюдал сейчас Лев на экране, был последним в жизни Андрея Тимашова. Уже через несколько часов пришедшая в свой обычный час жена обнаружит его мертвым.

Сомнений быть не могло. Если смертельную дозу лекарства подсунули в пищу, самый подходящий ингредиент – этот злосчастный соус. Но как мог попасть в банку препарат? Как можно было обеспечить гарантию, что именно эта банка из тысяч и миллионов, выпускаемых производителем, попадет на стол к Тимашову?

Он снова остановил просмотр, вернулся к тому моменту, когда Тимашов наливал соус в суп, и, всмотревшись внимательнее, понял, что изначально банка была полна до краев, а по некоторому напряжению, которое понадобилось Тимашову, чтобы открыть ее, догадался, что делается это впервые.

«Соус недавно куплен, еще ни разу не открывался, – мысленно анализировал происходящее Гуров. – Куплен где? Со-

ус совершенно обычный, таких полно в любом супермаркете. Так что там он, по-видимому, и приобретен. Вероятнее всего, женой Тимашова. Кто еще будет беспокоить себя доставкой ему продуктов? Но какие именно продукты обычно покупает Ирина, по-видимому, знали. И в соответствии с этим разработали не особенно головоломный план».

Внимательно рассматривая баночку из-под соуса, он без труда обрисовал для себя, в чем этот план мог заключаться.

Такие баночки – посуда многоразового использования, открытие крышки не вызывает видимых повреждений. Купить соус, «начинить» его нужным препаратом и затем вновь пронести в магазин – незамысловатые операции, с которыми справится и ребенок. Сложнее устроить так, чтобы Ирина из всех выбрала именно эту банку. Но, по-видимому, и тут некий выход нашелся. Иначе чем объяснить все, что произошло в дальнейшем?

Гуров вновь продолжил просмотр с того места, на котором остановился, и вскоре имел возможность убедиться, что результаты вскрытия, о которых сообщил ему «молодой специалист», имеют вполне реальные основания.

Отобедав, Тимашов прошел в комнату и там, достав из специального шкафа красивую бутылку с надписью «Хеннесси», налил из нее немного золотисто-коричневой жидкости в пузатый бокал.

Наблюдая за его действиями, полковник чувствовал себя попавшим в какой-то театр абсурда. Создавалось впечат-

ление, что Тимашов сам заранее срежиссировал постановку собственной смерти и теперь с полным знанием дела играл в этом спектакле главную роль.

«Все построено на повседневных привычках, — думал Лев. — А чтобы такое построение организовать, необходимо как минимум точно знать, в чем эти привычки заключаются, и быть уверенным, что в нужный момент Тимашов от них не отступит. Другими словами, нужно достаточно близко и часто контактировать с самим Тимашовым. Подобные контакты дают возможность либо узнать об образе жизни человека из дружеских бесед, либо наблюдать этот образ жизни воочию. Второе характерно для родственных связей, а первое... первое вполне вписывается в рамки связей профессиональных».

Тем временем события на экране подошли к своей наиболее драматической части. Выпив коньяк, Тимашов прошел в кухню, ополоснул бокал и вернулся в комнату. Сев на диван, взял было книгу, но вдруг снова встал. Сделав несколько шагов в направлении кухни, прижал правую руку к груди, а левой сделал несколько порывистых движений, будто пытаясь ухватиться за воздух.

Но ухватиться не удалось. Тимашов упал на пол, и следующее живое движение в безмолвной квартире произошло лишь тогда, когда на экране появилась охваченная паникой жена.

Гуров выключил компьютер и взглянул на часы. Квартира

сестры, у которой в данный момент проживала Ирина Тимашова, находилась в Люблино, и, чтобы прибыть туда в приличное для визитов время, нужно было уже стартовать.

– Пожалуй, просмотр дел придется отложить до завтра, – вслух проговорил Лев, вспомнив обещание, данное Заруцкому. – За один день это дело точно не раскрыть.

Он запер кабинет и вновь спустился к машине.

Сестра Ирины Тимашовой проживала в обычной многоэтажке, какими сплошь и рядом застроены спальные районы столицы.

Поднявшись на восьмой этаж и позвонив в дверь, Гуров услышал приглушенное щелканье замка, по-видимому, второй, внутренней двери. Несколько секунд его внимательно разглядывали в «глазок», затем раздалось неуверенное: «Кто там?»

– Мне нужно поговорить с Ириной. Ириной Тимашовой, – стараясь придать максимальную мягкость тону, ответил полковник. – Моя фамилия Гуров. Гуров Лев Иванович. Вас должны были предупредить. Валерий Алексеевич заверил меня, что договорился о встрече.

– Ах да... Одну минуту. Подождите пожалуйста.

Женщина, разговаривавшая с Гуровым, отошла от двери, и через некоторое время из квартиры донеслись звуки разговора. Потом возле двери вновь слышались шаги, и она наконец открылась.

Перед полковником стояла та самая женщина, которую

недавно он видел на экране монитора. Глаза ее были заплаканы, а черты миловидного лица искажены горем.

– Добрый вечер, – мягко произнес Лев. – Вы – Ирина?

– Да. Валера говорил мне, что вы должны прийти. Проходите.

Следом за Ириной он прошел в коридор, где все двери, кроме одной, были плотно прикрыты. Войдя в эту единственную открытую дверь, полковник оказался в небольшой комнате, где, по-видимому, и коротала дни его провожатая, предоставившая собственную жилплощадь в качестве «камеры» для содержания мужа под арестом.

– Присаживайтесь, – сказала Ирина, указывая Гурову на кресло, стоявшее возле журнального столика.

– Благодарю. Надеюсь, не слишком побеспокоил вас. Думаю, наша беседа не займет много времени. Только самые основные вопросы.

– Спрашивайте. Мне и самой хотелось бы все это прояснить. Валера говорил, что вы очень опытный сыщик. Вы ведь муж Маши, правильно?

– Да, – ответил Гуров, никогда не думавший, что главной его характеристикой является то, что он «муж Маши». – Вы сейчас сказали, что хотели бы прояснить для себя то, что случилось. Значит, для вас это явилось в какой-то степени неожиданностью?

– Еще какой неожиданностью! – взволнованно проговорила Ирина. – Просто как снег на голову. Не думала, не га-

дала, что придется с таким столкнуться.

– Вы как-то объясняете для себя происшедшее? Можете назвать какие-то причины, предпосылки? Хотя бы предположительно.

– Абсолютно нет! Я просто... просто ума не приложу. Понятия не имею, что могло случиться. Не знаю, не представляю себе, какие могут быть причины.

– Андрей никогда не жаловался на сердце?

– Никогда в жизни. Он и вообще был здоровым человеком, и, кроме того, всегда старался поддерживать форму. Занимался спортом, не курил. Он, в общем-то, лекарств, можно сказать, вообще никаких не употреблял. Даже таблетку от головы, может, раз в полгода выпьет, да и то если вспомнит. А так и внимания не обращает. Само пройдет. Разве что давление у него пониженное было, но это уж по жизни так шло. Он от этого никакого дискомфорта не ощущал и специально не лечился. Утром пил кофе, а после обеда обычно немного коньяка выпивал. Называл это «терапевтической дозой». Вот и все. Все проблемы со здоровьем. А такого, чтобы серьезное что-то, тем более сердце, такого я даже не припоминаю. Да что и припоминать, если его не было.

– Понятно. А как он отнесся к неприятностям, которые стали случаться в последнее время? Разбирательство в отношении его, арест? Это очень его расстраивало?

– Расстраивало, конечно. Что ж тут приятного. Но если вы хотите намекнуть, что из-за этого он с собой покончил,

то это вообще... из области фантастики будет.

– Андрей был оптимистичным человеком?

– Он был... нормальным. Из-за неприятностей на работе, даже пускай и с арестом, ни один нормальный человек не будет лишать себя жизни. Не говоря уже о том, что Андрей был абсолютно невиновен во всех этих шашнях, в которых пытались его обвинить. Они с Заруцким даже, кажется, какие-то там факты нашли, чтобы ответить. Доказать, что все эти обвинения – ложные. И вдруг... с чего бы он стал...

Голос Ирины задрожал, и, поняв, что она вот-вот потеряет самообладание, Гуров поспешил сменить тему.

– По условиям ареста, Андрей должен был находиться в квартире один?

– Да, судья выставил такое требование. Хотя не очень понятно почему. Ну да ладно, им там виднее. Хоть в тюрьму не упекли, и на том спасибо.

– Ему разрешались прогулки?

– Нет. И даже посещения не разрешались. Только я и адвокат могли приходить. Ну и, конечно, допросы. Когда на допросы возили, за ним машина специальная приезжала. С охраной.

– Время ваших посещений как-то регламентировалось или вы могли приходить когда захотите?

– Могла когда захочу, но всегда должна была докладывать. Чтобы каждый раз им не отзваниваться, я сказала, что буду приходить всегда в одно и то же время по вечерам. Прино-

сила продукты, готовила. Прибиралась, если нужно было. Но Андрей и сам делал уборку, мне почти ничего не оставалось. Скучно ведь целый день сиднем сидеть.

– А по поводу продуктов были какие-то ограничения? – осторожно подходил к главной теме Гуров. – В изоляторах, как правило, все это досматривают.

– Нет, у нас ничего не досматривали. Покупала все то же, что и обычно. Овощи, мясо. Соусы. Андрей острое любил, я ему всегда аджику брала или кетчуп острый.

– В самом деле? – удивленно поднял брови Гуров. – Надо же, какое совпадение! Я, честно вам признаюсь, тоже обожаю всякие острые приправы. Особенно из рецептов кавказской кухни.

– Вот-вот, – оживилась Ирина. – И Андрей также. Что за удовольствие, не понимаю. Я ее, эту аджику, только кончиком языка попробую, потом весь день щиплет. А ему ничего. Полбанки в тарелку выльет и уплетает за обе щеки. Как будто это майонез простой.

– Аджику чаще приходилось покупать, чем кетчуп?

– Да. Почти всегда ее брала. Кетчуп изредка. Вы точно сказали – кавказские рецепты. Я именно кавказскую покупала. Андрею она больше всех нравилась. Наверное, потому, что самая острая.

– Да, кавказская кухня, она пресного не терпит. Жгучая, как южные мужчины, – улыбнулся Гуров. – Так, значит, вы покупали те же продукты, как и обычно?

– Да, те же самые.

– А вы не могли бы припомнить, когда в последний раз ходили в магазин? Это, конечно, пустяк на первый взгляд, но иногда подобные мелочи имеют важное значение. Если нужно, допустим, уточнить время какого-то события или еще что-то в этом роде, – сам не очень понимая, что говорит, напускал туману Гуров.

– Да я каждый вечер в магазин ходила, – просто ответила Ирина. – Перед тем как к Андрею идти, всегда заходила, покупала что-нибудь из продуктов. Да, кстати, вот вы про соус упоминали. Как раз накануне произошел забавный случай. Набрала я корзинку, хлеба, масла взяла и вот как раз соус этот. Аджику. Стою, на полках что-то рассматриваю. А все идут, толкаются, задевают мою корзинку. Вечер, народу полно, все с работы идут. И вдруг чувствую, что корзинка как-то слегка потяжелела. Оборачиваюсь, а там какая-то девушка мне точно такую же банку соуса ставит. Тоже не глядя. Сама на полках что-то высматривает, а банку эту автоматически в корзинку опускает и не видит, что в чужую. Окликнула я ее, мне, говорю, вторая не нужна. Посмеялись, конечно.

– Да, забавно, – нахмутив брови, проговорил Лев. – И чем же все закончилось?

– А чем оно могло закончиться? Переложила она банку к себе, да и разошлись мы. Вот и вся история.

Полковник не стал уточнять, какую именно банку переложила в свою корзину «милая девушка». Ту ли именно, кото-

рую перед этим так ловко подсунула Ирине, или ту, которая изначально находилась в корзине доверчивой женщины.

Самому ему ответ на этот вопрос был уже известен, а Ирину подобное внимание к деталям могло бы навести на ненужные мысли. Какой смысл усугублять горе бедной женщины? Ведь сделанного уже не поправишь.

– А что вы искали на полках? Я имею в виду, в тот момент, когда к вам в корзину попал чужой продукт?

– Я? – удивленно взглянула Ирина, явно не понимая, зачем нужны такие подробные детали. – Хотела молочного чего-нибудь купить. Ряженку или кефир. Но все было какое-то давнишнее, так что ничего брать не стала. Ограничилась соусом.

«Да, кроме соуса, пожалуй, больше ничего и не требовалось, – угрюмо размышлял Гуров. – «Молочного чего-нибудь». Что и говорить. Полки с молочными продуктами – как раз те самые, где нужно искать банку с кавказской аджикой. Видимо, именно оттуда взяла ее «милая девушка», прежде чем «нечаянно» положить в чужую корзину. Ведь не вытащила же она ее из своей, чтобы переложить специально. Нет-нет, такого и быть не может. Зачем бы ей это могло понадобиться?»

Для того чтобы понять, как было организовано преступление, не нужны были особенно сложные логические построения, и в целом Лев уже довольно ясно представлял себе весь ход процесса.

Но имя постановщика этого спектакля, а также причина, по которой ему понадобилась эта постановка, пока оставались тайной за семью печатями.

– Так, значит, вы купили продукты и, как обычно, пришли, чтобы приготовить Андрею еду? – продолжил он.

– Да.

– В его поведении или настроении вы не заметили чего-то необычного, странного? Волнения или, наоборот, чрезмерной апатии?

– Нет, все было как обычно. Обычное поведение, обычное настроение.

– Вы упоминали, что обвинения, выдвигаемые против него, несправедливы. Он когда-нибудь обсуждал с вами эту тему?

– Нет, практически никогда. Андрей вообще очень мало говорил о работе. Может быть, с адвокатом он обсуждал это подробнее. Вам лучше спросить у него. Заруцкий Павел Егорович. Если хотите, могу дать телефон, – с готовностью предложила Ирина.

– Спасибо. Мне уже дал его координаты Валерий Алексеевич.

– Правда? Вот молодец! И уговорил вас заняться этим делом. Валера просто умница. И такой заботливый. Мы со школы дружим.

– Да, он говорил. Вы сейчас сказали, что Андрей почти не говорил с вами о работе. А был кто-то, с кем он мог обсуж-

дать подробно подобные темы? Друзья или коллеги, с которыми были особо доверительные отношения?

– Не знаю, – задумалась Ирина. – Кажется, из знакомых он ни с кем на подобные темы не распространялся. Вы знаете, ведь эта работа, она довольно специфичная. Много такой информации, которая не предназначена для широкого распространения. Так что насчет работы он больше отмалчивался. Может, с Валерой был откровеннее. Или с коллегами. Не знаю. Я не слышала, чтобы со знакомыми он когда-нибудь обсуждал свои профессиональные дела.

– А с Валерием Алексеевичем они были близкими друзьями?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.